

Е.А. Гедзюк

Характер отца Христофора в повести А.П. Чехова «Степь»

В статье рассматривается характер персонажа из среды духовенства. Исследуются соответствия указанного характера требованиям, предъявляемым к служителям церкви, а также принципы и приемы индивидуализации образа, связанные с переосмыслением Чеховым своего творческого метода.

Ключевые слова: «Степь»; характер; священнослужитель; сюжет.

Повесть «Степь» неоднократно становилась предметом анализа историков русской литературы. Рассмотрению произведения посвящены: монографическое издание [7], научный сборник [9] и часть тематического сборника [8], а также отдельные исследования, предметом изучения которых выступает образная система произведения и прежде всего характер о. Христофора [2, 7, 9, 10].

Написанная в 1888 г., повесть «Степь» отразила напряженные идейно-художественные искания писателя и ознаменовала начало переломного периода в творчестве Чехова, когда молодой автор отказывается от прежнего концептуально-проблемного ракурса освещения действительности (ориентированного на смеховую культуру), равно как и от поэтики своего первого крупного сборника «Пестрые рассказы» (1886). Свидетельством творческой напряженности в работе писателя становится количественно-статистический показатель: если в 1887 г. Чехов написал 64 произведения, то в 1888 г. только десять [3: с. 22].

Несмотря на перманентное присутствие текста повести «Степь» в гуманитарном дискурсе и его разносторонние интерпретации (в философском, социологическом, фольклорно-мифологическом, а в литературоведении прежде всего в жанровом аспектах), художественная полисемия произведения исчерпывающе не освещена. В частности, научный интерес представляет новаторство Чехова в сюжетно-мотивном изображении героев, в том числе в ортодоксально-христианском и нравственном наполнении характера священника. Эти особенности репрезентативны для осознания движения авторской мысли от первого этапа творчества писателя к его звездному часу второй половины 1890-х гг., когда осуществляется переход от комического модуса к драматическому, что происходит за счет «углубления проблематики, развертывания сюжета, перегруппировки персонажей, переосмысления характеров и их жизненных установок, укрупнения жанра, расширения хронотопа, широкого использования аллегорических и символических знаков» [4: с. 70–76; 5: с. 12].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть образ о. Христофора из повести «Степь», уточнить степень типологического соответствия указанного характера духовным и житейским нормам служителя церкви, высветить принципы и приемы индивидуализации образа, что проявляется в единомысленности христианских и общечеловеческих качеств о. Христофора.

Начавший свой литературный путь в юмористических изданиях массовой прессы, Чехов на раннем этапе творчества часто прибегал к фабульной коллизии, типичной для фольклорных анекдотических сюжетов из жизни духовных лиц. В текстах традиционной народной культуры образ персонажа из духовного сословия очень устойчив и часто выступает как предмет осмеяния. Вероятно, «нарушение моральных норм кажется особенно нетерпимым и потому анекдотически парадоксальным у церковных лиц, и это создает особенно острый комический эффект» [6: с. 26]. Сюжеты рассказов «Суд» (1881), «Хирургия» (1884), «Канитель» (1885) и «Ведьма» (1886) восходят к фольклорным текстам, высмеивающим невежество и глупость служителей церкви. Позже, в произведениях второй половины 1880–1890-х гг., юмористическая составляющая уходит на уровень подтекста, как правило, оставляя место легкой иронии.

Название повести «Степь» сопровождается подзаголовком «История одной поездки». Фабульной основой произведения служит изображение непродолжительного путешествия девятилетнего мальчика Егорушки, который едет учиться из уездного города в губернский в сопровождении дяди, купца Кузьмичова, и о. Христофора Сирийского, добродушного старичка, являющегося полной противоположностью Кузьмичова.

Образ священника в тексте не сквозной. Он значим для сюжетной завязки и первого этапа в развитии действия (главы 1–4). В главе 4 о. Христофор исчезает из поля зрения читателя. Этот композиционный прием осуществлен Чеховым тонко и изящно: отмечено лишь, что полусонного ребенка пересадили в следующий в том же направлении торговый обоз (сделано это в интересах мальчика, чтобы тот из-за необходимости временно свернуть с пути, возникшей в делах его дяди, не устал: «Что ему <...> зря болтаться?») [1: с. 47]. Проснувшись утром, Егорушка видит старика «с седой бородой»: он «такой же тощий и малорослый, как о. Христофор»; «как и на о. Христофоре, на нем был широкополый цилиндр» [1: с. 49]. Так священнослужитель, априори осуществляющий функции духовного наставника в отношении мальчика и отчасти Кузьмичова, в сознании ребенка плавно «переведен» в образ другого старого человека. Однако в финале произведения, в главе 8, о. Христофор вновь возникает в системе персонажей. Священник по-прежнему выполняет функцию хранителя главного героя: он не только наставляет ребенка, участвуя в формировании его души, но и напрямую врачует тело простуженного мальчика.

Чехов скрупулезно высвечивает черты характера священнослужителя. Речь о. Христофора и ее содержание воссозданы в свете традиции агиографической литературы. Рассказывая спутникам о своей жизни, священник прибегает

к узнаваемым заимствованиям из житий христианских подвижников, вспоминая о своем послушании родителям, чью старость «успокоил, похоронил с честью», своей богоизбранности («с раннего возраста бог вложил в меня смысл»), способности к обучению («говорил и сочинял по-латынски, по-гречески, по-французски, знал <...> все науки») [1: с. 20–21].

Священник ругает за образование и образованность: «Ученье, как говорится, свет, а неученье — тьма» [1: с. 15]. Но в то же время, когда его сын-врач попытался провести медицинское обследование отца, предписывая ему современный метод лечения одышки, тот лишь отмахнулся, хохоча: «Бог с ним, с этим сжатым воздухом!» [1: с. 36]. В данном контексте афористичная формула («Ученье — свет...»), внушаемая Егорушке, не подтверждается собственным поведением о. Христофора. В евангельской же притче о талантах говорится, что дар будет отобран у того, кто не использует его и не приумножит. Однако в этом не вина, а беда о. Христофора, который не смог реализовать свои способности к наукам, а согласно воле родителей стал состоятельным приходским священником, другими словами, предпочел быт бытию.

Важным звеном в изображении старого священника является указание на то, что он «настоятель N-ской Николаевской церкви» [1: с. 13]. Упоминание имени святителя Николая как одного из наиболее чтимых на Руси святых неслучайно. Ономастический прием используется Чеховым в данном случае для соотнесенности характера своего героя со строем личности легендарной фигуры. Из жития известно, что святитель преуспевал в обучении, но был послушен воле родителей и не продолжил дальнейшее образование. Николай был честен и прямолинеен, благодетелен, человеколюбив. В этом святом воплощена идея подвига человеческого духа, завоеванного работой души. Основой его христианского бытия было служение людям. Также святого Николая считают покровителем путешественников и детей.

Имя священника — Христофор — в переводе с греческого обозначает «носящий в себе Христа». Но у Чехова происходит ироническая десакрализация персонажа: из священнослужителя — в торговцы. Старый священник признается, что «записался <...> из попов в купцы», добавив с известным самоосуждением: «Суета!» [1: с. 34]. Очевидно, что в путь он собрался как по семейной необходимости (чтобы сопровождать имущество зятя Михайлы Тимофеича), так и по собственному желанию посмотреть на мир и на людей.

Мягкоироническая десакрализация духовного сана о. Христофора достигается с помощью сложного наложения субъектного сознания Егорушки на сознание повествователя. Так, увидев священника в мирской одежде, мальчик дважды «нашел, что в этом неподобающем его сану костюме он <...> очень похож на Робинзона Крузе» [1: с. 23]. Однако это детское сравнение седобородого старца с литературным героем одноименного приключенческого романа Д. Дефо создает дополнительные параллели, за которыми угадывается авторская интенция: происходит понижение статуса персонажа —

из священнослужителя в торговцы, в то время как герой английского романа проходит путь от торговца, пустившегося в путешествие ради обогащения, до человека с созидательными, творческими способностями.

В нормы обыденного поведения о. Христофора заложена известная противоречивость. С одной стороны, он не может пренебречь традициями, являющимися частью его жизни: «Кафизмы почитать надо <...> на каждый день у меня положение» [1: с. 28]. С другой стороны, повествователь обращает внимание на то, что эта традиционность номинальная: сияющая улыбка героя не признак его особой духовности, — она присуща всем старикам, «только что вернувшимся из церкви» [1: с. 97].

Чеховский старичок-священник показан постоянно улыбающимся человеком, приемлющим мир во всей его полноте. Терпеливый и терпимый к недостаткам других людей (по его заявлению, «один бог без греха» [1: с. 35]), герой душевно открыт, в том числе неконфликтен в отношении представительных иных конфессий (например, в разговорах с Мойсей Мойсеичем и его братом Соломоном). Старый священник, проживший долгую жизнь и убежденный, что счастливее его «во всем городе человека нет», наставляет Егорушку почитать мать и дядю и не «пренебрегать людьми», даже если «они глупее тебя» [1: с. 35, 99]. Христианские догматы органично переплетены в сознании о. Христофора с общечеловеческими нормами добра, справедливости, милосердия, во избежание гордыни и многих других «библейских» грехов.

Для Чехова важно, что священнический сан о. Христофора не нивелировал присущих ему человеческих качеств. Так, если для родного дяди Егорушка «как репейник», навязанный ему мольбами сестры, то священник, заботясь о лишившемся материнского попечения и к тому же заболевшем мальчике, приносит ему лакомство — «жестяночку с зернистой икрой, кусочек балыка и французский хлеб» [1: с. 99, 97]. Отец Христофор признает, что баловство ребенка ему не по чину, но в то же время, как и во всем другом, находит по-человечески мудрое оправдание: «В будень не из чего бы роскошествовать, да, подумал, дома болящий, так оно как будто и простиительно» [1: с. 97].

Провозглашение личной свободы понимается старым священником как следствие исчерпывающего исполнения им супружеского и родительского долга, как результат честного служения: «Все у меня есть и все слава богу» [1: с. 35]. Контактность о. Христофора как одно из качеств священнослужителя не противоречит религиозным догмам. Но, учитывая секуляризацию всех социальных слоев общества рубежа веков, акцент сделан и на обмирщении представителей церкви: «Во всех многочисленных делах, за которые он (о. Христофор. — *Е. Г.*) брался на своем веку, его прельщало не столько само дело, сколько суэта и общение с людьми, присущие всякому предприятию» [1: с. 24]. В то же время повествователь подчеркивает, что о. Христофор сумел сохранить детскую, наивную веру, следуя призыву Христа: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18:3].

Вместе с тем нельзя согласиться с позицией Н.В. Изотовой, которая характеризует священника как человека «эмоционального» и на этом основании делает вывод, что сан не ограничивает о. Христофора в человеческом восприятии мира [9: с. 38]. Мы считаем, что данное утверждение некорректно: сан не ограничивает в восприятии мира, он накладывает еще большую ответственность на духовное лицо.

Эмоциональность священников в прозе Чехова 1890-х гг. носит амбивалентный характер. В повести «Степь» на протяжении всего повествования с лица священника не сходит улыбка, он очень смешлив, несмотря на свой преклонный возраст: «прыснул в стакан и закашлялся от смеха»; «захохотал судорожно, до слез»; «хохоча» [1: с. 35–36]. Сходная психологическая реакция присуща другому чеховскому персонажу — из повести «Дуэль» (1891). Однако эта собственно человеческая черта придает образам священнослужителей эмоционально-психологическую достоверность, убеждая в том, что в среде духовенства много по-настоящему равнодушных и искренних людей, способных светло и непосредственно отзываться на происходящее.

Подведем итог. Характер священнослужителя в повести Чехова «Степь», в целом контрастирующий с образами лиц духовного звания в раннем творчестве писателя и напрямую перекликающийся с изображением духовенства в его прозе 1890-х гг., стал фактом очевидного движения автора к объемному характеру, не сводимому к одномерности социального статуса персонажа. Художественное воплощение героя-священника позволило Чехову запечатлеть строй души рядового провинциального настоятеля церкви. Писатель отказался от комического изображения своего героя, но сохранил легкую, не ущемляющую священнический сан иронию.

Библиографический список

Источники

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. 735 с.

Литература

2. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 327 с.

3. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 128 с.

4. Лоскутникова М.Б. Категория стиля в трудах В.М. Жирмунского // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 2 (9). С. 70–76.

5. Лоскутникова М.Б. Особенности стиля А.П. Чехова (на материале рассказов «Длинный язык» и «Дама с собачкой») // Вестник РУДН. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2009. № 6. С. 5–13.

6. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 275 с.

7. «Степь» А.П. Чехова: специфика диалогических структур // Десять шагов по «Степи»: сб. науч. ст. и эссе / гл. ред. В.К. Зубарева. Charles Schlacks, Jr. Publisher, Idyllwild, CA, 2017. 273 с.
8. Степь широкая: пространственные образы русской культуры / под ред. Н.З. Коковиной, М.В. Строганова. Курск: КГУ, 2009. 175 с.
9. Таганрогский вестник: материалы междунар. науч.-практ. конф. ««Степь» А.П. Чехова: 120 лет». Таганрог, 2008. 190 с.
10. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.

References

Istochniki

1. *Chexov A.P.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. T. 7. M: Nauka, 1977. 735 s.

Literatura

2. *Kataev V.B.* Proza Chexova: problemy' interpretacii. M.: Izd-vo MGU, 1979. 327 s.
3. *Linkov V.Ya.* Xudozhestvenny'j mir prozy' A.P. Chexov. M.: Izd-vo MGU, 1982. 128 s.
4. *Loskutnikova M.B.* Kategoriya stilya v trudax V.M. Zhirmunskogo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2012. № 2 (9). S. 70–76.
5. *Loskutnikova M.B.* Osobennosti stilya A.P. Chexova (na materiale rasskazov «Dlinny'j yazy'k» i «Dama s sobachkoj») // Vestnik RUDN. Ser. «Literaturovedenie. Zhurnalistika». 2009. № 6. S. 5–13.
6. *Meletinskij E.M.* Istoricheskaya poe'tika novelly'. M.: Nauka, 1990. 275 s.
7. «Step'» А.П. Чехова: специфика диалогических структур // Десять шагов по «Степи»: сб. науч. ст. и эссе / ред. В.К. Зубарева. Charles Schlacks, Jr. Publisher, Idyllwild, CA, 2017. 273 с.
8. Step' shirokaya: prostranstvenny'e obrazy' russkoj kul'tury' / pod red. N.Z. Kokovinoj, M.V. Stroganova. Kursk: KGU, 2009. 175 s.
9. Таганрогский вестник: материалы' mezhdunar. науч.-практ. конф. ««Step'» А.П. Чехова: 120 лет». Таганрог, 2008. 190 с.
10. *Chudakov A.P.* Poe'tika Chexova. M.: Nauka, 1971. 292 s.

E.A. Gedzyuk

The Character of Father Christopher in A.P. Chekhov's Novella «The Steppe»

The article studies the character of the clergyman in correspondence with the requirements laid down on the clergy. The observed principles and methods of image individualization are connected with Chekhov's reframing his own creative method.

Keywords: «The Steppe»; character; clergyman; plot.